

Чудо чудное

Некакой человек жил на пустом месте, промышлял зверей и прочих зайчей. Однажды ему попало дивно зайчей. Он принёс в избушку, начал лупить, скуру снял, тушу бросил, туша скочила и побежала. На улич выбежала. Заеч прискочил к трубы и слушат, мужик начал чудать: «Што это, братцы, за чудо! Живу — чуда я ещё не видал?» А заец говорит: «Это како чудо, это не есь чудо; ты не слыхал ле у Микиты на Маслениче како чудо было?» — «Нет, не слыхал». — «Сходи к Микиты на Масленичу, дак он тебе обскажот».

Мужик пошёл на Масленичу (название деревни), пришёл к Микиты и спрашиват: «Микита, како у тебя было чудо?» — «А тебе на што?» — «А мне нужно знать, у меня заеч убежал без шкуры, я чудаяю, дак он сказал, что у Микиты было больше чудо». Микита и начал сказывать.

«Был я в лесу, промышлял, с тремя сыновьями, сам четвёртой. Напромышляли коё-чего, птич дивно, а домой итти далёко, нас забрала ночь на дороги; где ночь прилучилась тут лесова избушка, а раньше того весь была, што в этой избушке пугат. Ну мы: «Затти и не затти в эту избушку». Дети говорят: «Што нам боятца, ведь нас четверо ведь, не по оди́нцы». И зашли в избушку и печку затопили. Тетёру налили варить; тетёра сварилась, тогда поставили на стол, сели ись. Микита сидит и говорит: «Хто в избушке есть, крешшоной или некрешшоной, выходи с нами ужинать». Выскочил человек, схватил тетёру, съел и щи все выхлебал. «Я, говорит, Микита, у тебя большова сына съем». Взял большова сына и съел. Съел и убежал опять за печку. Микита остался с двумя сыновьями. Тогда Микита лёг спать, проспал до утра, утро стало, Микита пошёл с сыновьями. «Штобы, проклята избушка, больше в тебе не бывать! Который был не лучше сын, того и съела». Ушли. Ходил не ходил день весь, блудил, вечер стал опять к этой же избушке пришёл. Некуда не мог пути дать. На уличе ненасъё, дож, слёчя мокра. Опеть зашли в эту избушку, печку затопили и тетёру налили варить. Сварилась, тогда поставили на стол, сели ись; сидит и думает Микита. «Позвать и не позвать? Позову съес, и не позову съес». И опять выговорил: «Хто хрешшоной-некрешшеной, выходи с нами ужинать». Выходит человек, съел тетёрку, выхлебал щи и говорит: «А што, Микита, я у тебя и другова сына съем?» И другого сына съел... (На третий день — третьего. Проплутав четвертый день, Микита в четвертый раз пришёл к избушке.)

Четвертый раз опять к избушке пришёл, на улице не можно, опять в избушку зашёл, печку затопил и тетёру налил варить, сварил, сел ись и думат: «Позвать и не позвать? Позову съес и не позову съес». Сидел, сидел и осмелился: «А выходи хто, хрещеной или не хрещеной». И выскочил тот же человек, щи выхлебал и тетёру съел, и говорит: «Ну, Микита, ведь я тебя теперь самого съем». — «Сам знашь».

Тогда человек говорит: «Хватай за меня, я тебя домой стащу». Микита поймалса за плечи, и потащил. Тащил, тащил и будто в морё его потащил, в море колодина будто, и поймалса, и начал кричать, и реветь сильным матом, что погиб, утонул, а сам занесённой в свой дом, в свою избу, и поймалса за грядку: держитця и кричит лихим матом, а дети и закричали: «Ведь ты в избе в своей!» И эти дети, три все, дома лежат, не один не съезженной. Тогда Микита возрадовалса. «Такое у меня чудо было».

И мужик сказал: «У тебя чудо больше впетеро было, впетеро».

(Рассказано Вокуевым Анисимом Фёдоровичем)

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.